

Самаркандский эпизод

Что касается Шахматова, то после короткой отсидки за дебош в женском общежитии Ленинградской консерватории он уехал в Самарканд и поступил там в консерваторию¹²⁰. В декабре 1960 года Бродский поехал туда навестить приятеля. Уманский дал ему свой очередной философский трактат для передачи Шахматову¹²¹.

Несколько недель, проведенные в Самарканде с лихим приятелем-авантюристом, имели

119 Например, использование символики чисел в духе древнееврейской Каббалы. Сведения о Каббале Бродский мог также почерпнуть из статьи Владимира Соловьева в энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

120 См. *Волков 1998*. С. 66.

121 По воспоминаниям Г. И. Гинзбурга-Воскова, это был политико-философский трактат, написанный в форме писем президенту Кеннеди.

серьезные последствия для дальнейшей судьбы Бродского. Однажды в вестибюле самаркандской гостиницы он увидел Мелвина Белли (Melvin Belli, 1907–1996). Белли был очень знаменитым американским адвокатом. Среди его клиентов были голливудские кинозвезды, в том числе Эррол Флинн, которым Бродский восхищался в детстве. Позднее, через три года после самаркандского эпизода, Белли защищал Джека Руби, застрелившего убийцу президента Кеннеди Ли Харви Освальда. Белли и сам снимался в кино. Бродский его узнал по запомнившемуся кадру из какого-то американского фильма. Импровизированно возник план передать с американцем рукопись Уманского для публикации за рубежом, но Белли эту просьбу из осторожности отклонил¹²².

Вслед за этим друзей осенил фантастический план побега за границу. Бродский, много лет спустя, описывал его так: купить билеты на маленький рейсовый самолет, после взлета оглушить летчика, управление возьмет Шахматов, и они перелетят через границу в Афганистан¹²³. В воспоминаниях Шахматова этот план выглядит несколько более реалистическим. У него был пистолет. Когда летчик начнет вырубивать на взлетную полосу, Шахматов, угрожая пистолетом, вытолкнет его из самолета; перелетят они не куда-то в Афганистан, откуда их выдали бы советским властям, а в Иран, на американскую военную базу в Мешхеде¹²⁴. Были куплены билеты на рейс Самарканд – Термез, но перед полетом Бродский устыдился намерения причинить вред ни в чем не повинному пилоту, и план был похерен (Шахматов пишет, что просто рейс отменили).

Год спустя Шахматов был арестован в Красноярске за незаконное хранение оружия. На следствии, стараясь избежать нового срока, который на этот раз мог быть большим, он заявил о существовании в Ленинграде «подпольной антисоветской группы Уманского» и назвал десятки имен тех, кто имел хотя бы какое-то отношение к Уманскому. Рассказал и о неосуществленном плане побега за границу вместе с Бродским. Вот тогда Бродский и был задержан, но, поскольку факта преступления не было, да и о намерении были только показания Шахматова, через два дня его отпустили. Однако самаркандскую эскападу ему припомнили на суде в 1964 году, и под пристальным наблюдением КГБ он оставался до выдворения из страны¹²⁵. Кто знает – может быть, и после.

122 В книге Белли и его спутника Дэнни Джонса о путешествии по СССР (*Belli M. R, Jones D. R. Belli Looks at Life and Law in Russia. Indianapolis – New York: The Bobbs-Merrill Co., 1963*) этот эпизод не упоминается.

123 См. Волков 1998. С. 66.

124 Шахматов 1997.

125 Вот что писал два года спустя в официальной справке офицер ленинградского управления КГБ Волков: «Шахматов и Уманский 25 мая 1962 года осуждены за антисоветскую агитацию на 5 лет лишения свободы каждый. Осуждены правильно. Участие же Бродского в этом деле выразилось в следующем:

С Шахматовым Бродский познакомился в конце 1957 года в редакции газеты «Смена» в г. Ленинграде. В разговоре узнал, что Шахматов также занимается литературной деятельностью. Это их и сблизило. Затем он познакомился и с Уманским и вместе с Шахматовым посещал его.

После осуждения Шахматова в 1960 году за хулиганство, последний по отбытии наказания уехал в Красноярск, а затем в Самарканд. Оттуда прислал Бродскому два письма и приглашал приехать к нему. При этом хвалил жизнь в Самарканде.

В конце декабря 1960 года Бродский выехал в Самарканд. Перед отъездом Уманский вручил Бродскому рукопись «Господин Президент» и велел передать Шахматову, что Бродский и сделал. Впоследствии они эту рукопись показали американскому журналисту Мельвину Белли и выяснили возможность опубликования рукописи за границей. Но не получив от Мельвина определенного ответа, рукопись забрали и больше никому не показывали.

Установлено также, что у Шахматова с Бродским имел место разговор о захвате самолета и перелете за границу. Кто из них был инициатором этого разговора – не выяснено. Несколько раз они ходили на самаркандский аэродром изучать обстановку, но в конечном итоге Бродский предложил Шахматову отказаться от этой затеи и вернуться в город Ленинград.

Уманский увлекался индийским философским учением йогов, являлся противником марксизма. Свои антимарксистские взгляды изложил в работе «Сверхмонизм» и других работах.

О Бродском Уманский показал, что читал его стихи и раскритиковал их. Считал Бродского болтуном. Об